

Серапион Владимирский, обличая своих современников, убеждает их не только «от писания» — авторитетом христианского учения, но и ставит им в пример врагов-поработителей: «Погании бо, закона божия не ведуще, не убивают единовѣрных своих, ни ограбляют, ни обадят, ни поклепят, ни украдут, не запрятыся чюжого. Всяк погании брата своего не продаст, но кого в них постигнет беда, то искупят его и на промысл дадут ему. А найдена в торгу проявляют. А мы творим ся вернии . . . всегда неправды есмы исполнены и зависти, немилосердыя, братью свою ограбляем, убиваем, в погань продаем, обадами, завистью, аще бы мощно, снели друг друга . . . Аще велможа или простын, то весь добытка жалает, како бы обидети кого» (Петухов, Приложение, стр. 14).

* * *

С большим вниманием, между прочим, относилась учительная русская литература к теме поучений «о ленивых и сонливых» и «о пьянстве». Труд как основа жизни — центральная тема и учительной, и автобиографической частей «Поучения» Владимира Мономаха. Все, что отвлекает человека от труда, осуждается и русской литературой, поэтом и обличению пьянства русские писатели уделили много внимания в разных жанрах — в «словах», в «Азбуке о хмеле», в пародийно-сатирической «Службе кабаку», позднее в лубочных картинках и подписях к ним. Подобно переводным произведениям, и русские рассматривают вредное воздействие пьянства на «нрав» — характер человека и его поведение, предупреждают и о том, что оно разрушает его материальное благополучие.

В списке XV в. до нас дошло одно из ярких обличений пьянства, подписанное именем «Кирилла Философа Словенского»,⁵⁸ однако явно русского происхождения. Русскому автору принадлежит самый замысел — вести обличение от имени Хмеля, олицетворяющего пьянство. Это Хмель обращается к людям всех званий, всякого достатка — «и ко священническому чину, и ко князем и бояром, и ко слугам и купцем, и богатым и убогим, и к женам». Он предупреждает их одновременно и от пьянства и от безделья, соединив неразрывно обе темы. В Описании каждого, кто начнет «осваивати» хмельное питье, дается и внешний облик пьяницы, и характеристика его настроения: «. . . первое доспею его блудна, а к богу не молебника, а в нощи не сонлива, а на молитву не встанлива, а испався ему стенание и печаль ему наложу на сердце; вставшу ему с похмелия, глава ему болить, а очемь его света не видети, и ни на что ему на добро умь не идеть, а ясти не жадаеть, жадаеть и горить душа его паки пити хошетъ, да изопьетъ с похмелия чашу и другую, и потом многы пить» (Варлаам, стр. 64). Этому описанию нельзя отказать в точности и обстоятельности. Красочно описана судьба ленивого: «лежати долго — не добыти добра (вероятно, в оригинале была выдержана ритмическая форма: «долго лежати — добра не добыти»), а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, чти и славы не получитьи, а сладка куса не снести, медовья чаши не пити, а у князя в нелюбви быти, а волости или града от него не видати. Недостатки у него дома сидять, а раны у него по плечемь лежать, туга и скорбь по бедрамь гладомь позваниваеть, убожие у него в калите гнездо свило. Привязалася к нему леность, как милая жена, а сон, как отецъ, а охание, как любая чада, а злы дни на него

⁵⁸ Арх. Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Ученые записки II отделения Акад. наук. СПб., 1859, кн. V, стр. 64—65. (Далее: Варлаам).